

А.М. Бетмакаев

В. Ульбрихт и десталинизация в ГДР (1956–1958 гг.)

В феврале 1956 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев на закрытом заседании XX съезда партии осудил культ личности Сталина. Иницированное им «преодоление последствий культа личности» стало делом коммунистических партий стран Восточной Европы, которые являлись сателлитами Советского Союза. Почти повсюду десталинизация привела к отставке руководителей компартий. Например, в Польше на волне общественного протеста к власти вернулся В. Гомулка. Десталинизация также вызвала к жизни общественные движения, которые ставили под вопрос основы коммунистического режима. В Венгрии конфликт внутри руководства компартии и недовольство населения привели к народному восстанию в октябре–ноябре 1956 г., которое было подавлено советскими войсками.

Десталинизация затронула и Германскую Демократическую Республику. К сожалению, в отечественной историографии эта тема почти не привлекала внимание исследователей. Например, в хорошо известной книге А.Ю. Ватлина «Германия в XX веке» ей посвящена одна страница [1, с. 183]. В зарубежной литературе процесс десталинизации (*Entstalinisierung*) в ГДР изучен основательно. И если в 70–80-е гг. прошлого столетия господствовало мнение, что восточно-германская десталинизация закончилась провалом [2, с. 308], то теперь историки уходят от прямолинейных оценок, признавая, что в ГДР была осуществлена «робкая десталинизация» [3, с. 132]. Эта оценка связана с иной интерпретацией понятия «десталинизация». По справедливому замечанию французского историка Ф. Фюре, «десталинизация» – это и не философия, и не стратегия, и не идея, и не программа либерализации. Коммунистический режим отказывался от своего прошлого и предоставлял слово своим жертвам при условии, что они снова согласятся оставить власть в руках партии, которая их ранее преследовала [4, с. 506]. В данной статье делается попытка проанализировать особенности восточно-германской десталинизации, которая вызвала обострение борьбы за власть в правящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Особое внимание мы уделим рассмотрению роли первого секретаря ЦК Вальтера Ульбрихта, который не только ос-

тался у власти, но и укрепил свое положение, разгромив оппозицию в 1956–1958 гг.

Критика культа личности Сталина в секретном докладе Хрущева была для руководства СЕПГ полностью неожиданной. По воспоминаниям секретаря ЦК по кадровым вопросам Карла Ширдевана, члены делегации СЕПГ были разбужены в 3 часа ночи и проинформированы о ключевых положениях доклада Хрущева. Все были потрясены. Утром глава делегации Ульбрихт сказал Ширдевану, что «Сталин не является классиком» [5, с. 77–79]. После возвращения из Москвы Ульбрихт сделал этот вывод достоянием общественности. Хотя в партийной газете «Нойес Дойчланд» он упоминал о «самовыпячивании и искажениях истории» в биографии Сталина [6], но не ставил под сомнение систему сталинизма.

17 марта 1956 г. лондонские газеты опубликовали доклад Хрущева в изложении, и его содержание благодаря западно-германскому радио стало известно населению ГДР. В тот же день Ульбрихт выступил на собрании берлинских партработников. Он обратил внимание на правонарушения в Советском Союзе и на ошибки Сталина. По его мнению, партия должна была выяснить, в какой степени существовал в ГДР «культ руководителя», (*Führerkult*) и если он существовал, то преодолеть его. Он оправдывался в телеграмме Хрущеву: «Для нас неприятно, что мы открыто заняли позицию по вопросам КПСС прежде, чем она была изложена в газете «Правда». Но в данной ситуации нам не оставалось ничего другого» [7, с. 288]. Опережая руководство КПСС, Ульбрихт пытался, став «критиком» Сталина, не допустить стихийной десталинизации в ГДР.

Его позиция прослеживается по материалам 26-го пленума ЦК СЕПГ, который состоялся 22 марта 1956 г. Некоторые члены ЦК предлагали обсудить проблему преодоления последствий «культа личности» на предстоящей III партийной конференции СЕПГ. Ульбрихт же заявил, что информировать делегатов конференции о докладе Хрущева необходимо, но обсудить следует главным образом новую советскую идею «мирного сосуществования двух систем» и экономические вопросы [8, с. 248; 9, с. 252].

На III партконференции (24–30 марта 1956 г.) звучала расплывчатая критика Сталина, но подчеркивалось, что нельзя подвергать сомнению историческую роль «вождя, испытанного борьбой» [10, s. 91]. Ульбрихт постарался сделать тему итогов XX съезда КПСС второстепенной и докладывал делегатам о циклическом кризисе в ФРГ [11, s. 46]. Политбюро заявило, что в СЕПГ никогда не существовал «культ личности» и не было массовых репрессий [12].

Ульбрихт стал председателем комиссии ЦК по реабилитации бывших членов СЕПГ, которая проверяла дела исключенных из партии и поручала министерству юстиции и президенту помиловать и освободить реабилитированных [13, s. 152]. На 27-м пленуме ЦК (27–29 июля) Ульбрихт представил первые результаты работы комиссии. С апреля 1956 г. были реабилитированы 73 члена СЕПГ, которые получили партийные взыскания «ввиду своей позиции в июне 1953 г.» [7, s. 289]. В июне были амнистированы 11 тыс. человек, из которых около 600 – бывшие социал-демократы. До октября 1956 г. из тюрем было выпущено около 21 тыс. заключенных [10, s. 91]. После реабилитации 525 немецких коммунистов, репрессированных в СССР в 30-е гг., 257 из них до 1962 г. были вновь приняты в СЕПГ [14].

30 июня 1956 г. ЦК КПСС опубликовал Заявление «О преодолении культа личности и его последствий». Приветствуя его положения, руководство СЕПГ подчеркивало: «Мы направляем наш взгляд в главном деле не на прошлое, а шагаем вперед». Отмечалось, что «культ личности» выражался в ГДР в том, что «руководящие функционеры в партии и государстве засиделись в выборных органах». Членов партии призывали вести борьбу против «догматизма» [15, s. 110–112]. «Борьба против догматизма» заменила открытую критику сталинизма, которая, в отличие от Польши и Венгрии, в ГДР никогда не допускалась. Руководство СЕПГ пыталось удержать за собой рядовых членов партии, дезориентированных новой советской политикой.

Разоблачения Хрущева запутывали многих коммунистов. Старые члены СЕПГ, которые восхищались советским социализмом, были шокированы рассказами о преступлениях в СССР. На 26-м пленуме ЦК СЕПГ О. Бухвиц говорил: «Я получил письма от старых товарищей, а также от товарищей, которые пришли к нам из СДПГ и преданы нашей партии. Они написали мне: «В нас что-то сломалось!»» [8, s. 241]. Молодые члены партии, воспитанные в революционно-романтической атмосфере, потеряли веру в Сталина.

Настроения в поддержку перемен отчетливо проявились на заседании политбюро 3 июля

1956 г. Секретарь ЦК по идеологии Ф. Эльснер заявил: «Существует ли в СЕПГ культ личности? Да, конечно, имеется и в связи с тем личным режимом, который установлен товарищем Ульбрихтом... Любая открытая критика товарища Ульбрихта объявляется недопустимой» [5, s. 181–182]. Эту оценку разделяли и другие руководители СЕПГ и правительства: Ширдеван и министр государственной безопасности Эрнст Воллвебер, секретарь ЦК по вопросам экономики Герхарт Циллер и заместитель главы правительства Фриц Зельбманн.

Ширдеван выступал за открытое обсуждение политических ошибок и проведение десталинизации. Ему симпатизировал председатель правительства О. Гротеволь [9, s. 255]. Отношения Воллвебера с Ульбрихтом были всегда напряженными, поскольку Воллвебер принадлежал к тем немногим, кто не боялся Ульбрихта и возражал ему [16, s. 356]. И Ширдеван, и Воллвебер могли рассматриваться возможными преемниками Ульбрихта, поскольку слухи, что близится отставка первого секретаря ЦК, получили широкое распространение.

Опасность для Ульбрихта обнаружилась и с другой стороны. «Оттепель» в СССР способствовала тому, что восточно-германские интеллектуалы предложили альтернативный вариант десталинизации. Ключевую роль в его разработке сыграли профессор философии в Гумбольдт-университете и редактор «Немецкого журнала философии» Вольфганг Харих и его сторонники, которые обсуждали актуальные общественно-политические темы. Каждый четверг в издательстве «Ауфбау» встречались молодые интеллектуалы, которые брали в пример форум венгерской оппозиции «клуб Пётёфи». Жаркие споры происходили в кабинете руководителя издательства Вальтера Янка. Оппозиционный дух был господствующим в местной организации СЕПГ [17, s. 46–48; 18, s. 883]. Философ из Лейпцига Эрнст Блох, чьи взгляды имели особое значение для оппозиции, в марте 1956 г. заявил: «Свобода и правда являются понятиями родины... Практика правды является социализмом свободы, теория свободы является марксизмом правды» [19].

В мае 1956 г. Харих в составе партийной делегации во главе с секретарем ЦК К. Хагером побывал в Польше, где познакомился с деятелями демократического движения. Своим соратникам он говорил: «Польские друзья ушли далеко вперед, они разочарованы, что мы не трогаем Ульбрихта» [18, s. 885]. Харих написал статью для опубликования в журнале СЕПГ «Айнхайт». Он рассчитывал на поддержку советского руководства, когда 25 октября представил свои пред-

ложения советскому послу Г. Пушкину, который поторопился сообщить о них Ульбрихту [9, s. 260].

7 ноября Харих был приглашен Ульбрихтом для беседы. По мнению Ульбрихта, все беспорядки в коммунистическом лагере, особенно в Польше и Венгрии, были делом оппортунистических интеллектуалов [8, s. 281]. По воспоминаниям М. Хертвига, Харих был особенно возмущен высказываниями Ульбрихта о том, что критика XX съезда КПСС не касается ГДР. Харих полагал, что Ульбрихт дистанцировался от десталинизации [18, s. 887].

Харих продолжал работать над проектом реформ, который Ульбрихт на заседании политбюро 7 ноября назвал «программой контрреволюции» [16, s. 365]. 29 ноября Харих был арестован агентами «штази», однако он успел подготовить «Платформу особого немецкого пути к социализму». Основные предложения в документе сводились к следующим мерам: отставка руководителей партии и государственного аппарата, ответственных за последовательное воплощение курса Сталина; учреждение внутрипартийной демократии; обеспечение правового порядка; роспуск службы госбезопасности; демократизация экономики; ликвидация лишних министерств; переход к общему перспективному планированию; изменение политики в отношении средних слоев; прекращение принудительной коллективизации сельского хозяйства. Ссылаясь на опыт Польши, Харих требовал идеологической переориентации СЕПГ в духе социалистического «третьего пути» для всей Германии. Не могло быть и речи о завершении строительства социализма в рамках сепаратного государства, чего пытался достичь Ульбрихт. В объединенной Германии только СДПГ в союзе с реформированной СЕПГ, очищенной от сталинистов, могла построить социализм: «Мы хотим оставаться на позициях марксизма-ленинизма. Но мы хотим уйти от сталинизма» [17, s. 137–140; 20, s. 602].

Точка зрения «друзей Хариха» была антисталинской, но не антисоциалистической. Они стремились посредством демократизации прийти к «гуманному социализму». Они полагали, что возможно создать легальную оппозицию против Ульбрихта, не вступая в конфликт с министерством госбезопасности [18, s. 887]. И хотя эта наивность выглядела удивительной в тот момент, когда народное восстание против сталинизма в Венгрии было подавлено советскими войсками (3–4 ноября 1956 г.), именно в ноябре появился шанс отправить Ульбрихта в отставку.

После нескольких месяцев скрытого развития конфликт внутри высшего партийного руководства приобрел открытый характер. На 29-м

пленуме ЦК СЕПГ (12–14 ноября 1956 г.) позиция Ширдевана получила заметную поддержку участников заседания. Он предложил расширить внутрипартийную демократию. После его выступления не менее 20 последующих ораторов критиковали «культ личности» Ульбрихта. Даже осторожный Гротеволь поддержал оппонентов Ульбрихта. Глава правительства отмечал, что нельзя считать любого, кто имеет иное мнение, контрреволюционером [5, s. 108–110].

Однако Ульбрихт не допустил опубликования и обсуждения в партийных ячейках доклада Ширдевана, как это было принято. Кроме того, на пленуме он выступил с критикой министерства госбезопасности, которое «больше не имело сил энергично противостоять врагам государства» [9, s. 259]. Так он перешел в контрнаступление против оппозиционеров в руководстве СЕПГ. И дело «группы Хариха» было удобным поводом для начала атаки.

Ульбрихт обвинил оппозиционных интеллектуалов в «ревизионизме» марксизма-ленинизма. На 30-м пленуме ЦК в январе 1957 г. он заявил, что «ревизионистские» воззрения проявились в «отклонении теории государства от марксизма-ленинизма, в снижении ключевой роли революционной партии рабочего класса, в предложении о расформировании плановой экономики и ее замене так называемым самоуправлением производителей, в отказе от марксистско-ленинской политики союза рабочего класса с трудящимися крестьянами, в отклонении прочной связи марксистско-ленинских партий в народно-демократических странах под руководством Советского Союза» [8, s. 282–283]. По этому поводу Ф. Фюре замечал, что правящая бюрократия извлекла на свет старый жупел, издавна служивший для отлучения от марксистского социализма, – жупел «ревизионизма». Процесс против сталинизма привел к тому, что в умах произошел отказ от идеи «диктатуры пролетариата», чреватой диктатурой партии [4, с. 510–511]. Но Ульбрихт не хотел отказа от этой диктатуры: он был неразрывно связан с ней. Поэтому он рассматривал «ревизионистские идеи» как подрыв государственного строя.

После ареста Хариха был арестован Янка. Его обвиняли в руководстве «группой, враждебной государству», с целью свержения правительства ГДР. На самом деле он только критически отзывался о политике Ульбрихта. В те дни это делали многие интеллектуалы [21, s. 96, 102]. Можно согласиться с немецким историком М. Франком, что Янка был идеальной жертвой: каждый интеллигент должен был узнать о трагической участи известного писателя и напугаться [9,

s. 261]. Этой цели служило присутствие на судебных процессах руководства союза писателей ГДР, других творческих союзов, профессоров Гумбольдт-университета, известных деятелей культуры (актриса Х. Вайгель, писатели А. Зегерс и В. Бредель). В марте–июле 1957 г. члены «антигосударственной группы» были приговорены к длительным срокам тюремного заключения [11, s. 47].

И современники, и историки пытались объяснить, почему для примерного наказания Ульбрихт избрал Хариха и его сторонников. Участник «группы» Хертвиг полагал, что Ульбрихт не решался напасть на Ширдевана, так как осенью 1956 г. не имел большинства в политбюро [18, s. 888]. Исследователь Франк отмечал, что для Ульбрихта более проблематичным, чем ситуация в политбюро, было потерять контроль над инструментом власти – секретариатом ЦК. Явными оппонентами Ульбрихта являлись 4 из 7 секретарей [9, s. 256]. В связи с этим, по нашему мнению, расправа над «группой Хариха» могла быть для Ульбрихта своеобразной пробой сил перед главной атакой против оппозиции в руководстве СЕПГ.

Когда Ширдеван высказал предложение предоставить Хариху и Янке возможность изложить свои взгляды членам политбюро, Ульбрихт его отклонил. Во время заседания политбюро он попросил коллег подойти к столу, на котором лежали следственные дела оппозиционных интеллектуалов. У стола стоял статс-секретарь министерства госбезопасности Эрих Мильке и наблюдал за членами политбюро. Ширдеван вспоминал: «Мы почти физически ощущали его контролирующий взгляд. Я пытался просматривать дело, но это было невозможно, поскольку мне мешали другие. Я бросил дело на стол» [5, s. 118]. Этот фарс показал не только слабость Ширдевана, но и усиление позиций Ульбрихта в министерстве госбезопасности, где на его стороне был Мильке, заместитель Воллвебера.

Мильке передавал информацию о деятельности «штази» напрямую Ульбрихту. Раздраженный этим, Воллвебер 14 января 1957 г. издал приказ о том, что информация МГБ должна передаваться им лично и только в его отсутствие – первым заместителем. Приказ оказался удобным поводом, чтобы напасть на Воллвебера. 7 февраля на заседании министерства госбезопасности Ульбрихт обвинил министра в попытке «поставить себя над партией» [22, s. 355–357]. Ульбрихт повторил обвинение, выдвинутое в июле 1953 г. против его оппонента Цайссера, который был снят с должности министра госбезопасности [23, с. 173].

Воллвебер отменил приказ, и политбюро 9 февраля по инициативе Ульбрихта решило передать МГБ под контроль комиссии ЦК по вопросам безопасности, во главе которой стоял его сторонник Эрих Хонеккер. Однако политбюро отказалось назвать Воллвебера «контрреволюционером» [16, s. 370], поэтому нападки на шефа «штази» продолжались.

В апреле 1957 г. были проведены проверки в окружных управлениях МГБ. Ульбрихт критиковал преимущественно «западное» направление деятельности МГБ и требовал сосредоточиться в работе министерства на обеспечении контроля над оппозиционными группами [24, s. 190]. На 31-м пленуме ЦК (10–12 июля 1957 г.) Хонеккер вновь критиковал министра государственной безопасности. В начале октября Воллвебер подал заявление об уходе на пенсию по состоянию здоровья. Новым министром стал Мильке.

В октябре 1957 г. на 33-м пленуме ЦК Ульбрихт добился исключения из секретариата своего оппонента Ванделя. Он получил «строгое порицание» и был освобожден от исполнения обязанностей секретаря ЦК по вопросам культуры и воспитания. Секретарь ЦК Хагер выступил с самокритикой и «разоблачениями» Ванделя, сохранив свой пост [9, s. 266]. Ульбрихт вновь восстановил контроль над секретариатом ЦК, в котором теперь оставались только два его противника – Ширдеван и Циллер.

Только теперь Ширдеван, лишенный важных потенциальных союзников, решился собрать вокруг себя противников Ульбрихта. Он пытался убедить ушедшего в отставку Воллвебера помочь ему, но бывший министр госбезопасности уклонился от принятия конкретных обязательств. 14 декабря застрелился Циллер после заседания политбюро, на котором от него требовали дать показания на остальных противников Ульбрихта. Тогда же Ульбрихт заявил, что Ширдеван любой ценой стремится к единству Германии, даже ценой отказа от строительства социализма [5, s. 131–138].

17 декабря большинство членов политбюро рекомендовало Ширдевану и Эльснеру «самокритично подумать о прежних высказываниях». Политбюро решило направить делегацию СЕПГ в Москву, чтобы получить согласие руководства КПСС на отставку Ширдевана. Хрущев на встречах с восточными немцами в Москве в конце января 1958 г. настаивал на том, чтобы Ширдеван остался секретарем ЦК. В итоге было принято решение: Ширдеван должен был остаться членом ЦК [9, s. 269–270]. Вопреки московской договоренности, на 35-м пленуме ЦК 6 февраля Шир-

деван, Эльснер и Воллвебер из-за «фракционной деятельности» были исключены из ЦК со строгим порицанием [25, s. 235].

Последовала чистка партийного аппарата. 21 из 89 членов и 16 из 44 кандидатов в члены ЦК потеряли свои места [26, s. 91]. В 1958–1961 гг. со своих постов были удалены 105 ответственных работников окружных комитетов СЕПГ, в том числе 7 первых и 16 других секретарей [11, s. 54]. Ульбрихт не ограничился внутривнутрипартийной чисткой. Согласно архивам МГБ в 1957 г. «штази» были задержаны 87 оппозиционных интеллигентов, в том числе 48 студентов, 14 доцентов и молодых ученых, 4 преподавателя и 5 журналистов, по обвинению в «подрывной деятельности» (53 человека), «шпионаже» (24) и «государственной измене» (10). Многие из них были приговорены к тюремному заключению [13, s. 168–169].

Ульбрихт показал себя в критической ситуации более решительным и опытным политиком, чем его оппоненты. Хотя оппозиция имела хорошие шансы отправить Ульбрихта в отставку, его противники, открыто критикуя недостатки системы, не нарушили ее правила. Они только разрозненно критиковали Ульбрихта и не создали «фракции», поскольку со времен Ленина создание «фракций» являлось преступлением, которое безжалостно каралось. Они не обратились за поддержкой к Хрущеву. К удивлению советской стороны, которой было известно о конфликте в ЦК СЕПГ, никто из оппонентов Ульбрихта не решился обсудить эту тему на встрече в Москве 7 января 1957 г. Сам Ширдеван упустил последний шанс в августе 1957 г. Советский руково-

дитель Хрущев, будучи в ГДР, пригласил его на отдых в Сочи. Поездка к Хрущеву без одобрения Ульбрихта представлялась Ширдевану невозможной, и он не воспользовался приглашением [5, s. 127].

И все же не стоит переоценивать возможную поддержку оппозиционеров Хрущевым, как это делает М. Франк: «Если они были бы едины, схватили бы протянутую руку Хрущева и использовали его поддержку, то немецкая послевоенная история сложилась бы иначе» [9, s. 271]. По нашему мнению, события в Польше и венгерское восстание вызвали серьезные потрясения коммунистической системы и подтолкнули Хрущева к постепенному отказу от радикальной десталинизации. Боязнь Москвы потерять Восточную Европу снова дала возможность Ульбрихту упрочить свое положение. «Немецкий Ленин», как иронически называли Ульбрихта, сам определил рамки десталинизации и провозгласил «борьбу против ревизионизма», предугадав и в какой-то степени определив поворот советской политики. В этой связи следует обратить внимание на «парадокс десталинизации», о котором писал Ф. Фюре. Ослабив централизацию международного коммунистического движения, она позволила тем, кто испытывал ностальгию по великой эпохе, оказывать большее влияние в ходе внутренних собраний и совещаний. Своим сопротивлением новому курсу Москвы Ульбрихт подрывал традицию крайней централизации [4, с. 514–517]. Но централизация власти продолжала оставаться главным направлением его внутренней политики.

Литература

1. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2002.
2. Kleßmann Ch. Zwei Staaten, eine Nation. Deutsche Geschichte 1955–1970. – Bonn, 1988.
3. Schröder K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949–1990. – Munchen, 2000.
4. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии : пер. с фр. – М., 1998.
5. Schirdewan K. Aufstand gegen Ulbricht. – Berlin, 1994.
6. Neues Deutschland. – 1956, 4 März.
7. Podewin N. Walter Ulbricht. Eine neue Biographie. – Berlin, 1995.
8. Die DDR vor dem Mauerbau. Dokumente zur Geschichte des anderen deutschen Staates 1949–1961 / hg. von D. Hoffmann, K.-H. Schmidt, P. Skyba. – Munchen ; Zurich, 1993.
9. Frank M. Walter Ulbricht. Eine deutsche Biographie. – Berlin, 2001.
10. Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages). Bd. 4. – Bonn, 1994.
11. Weber H. Die DDR 1945–1990. – Munchen, 1994.
12. Neues Deutschland. – 1956, 29 April.
13. Staritz D. Geschichte der DDR. 1949–1990. – Frankfurt am Mein, 1996.
14. SED und Stalinismus. Dokumente aus dem Jahre 1956 / hg. von J. Gabert, L. Prieß, P. Erler. – Berlin (Ost), 1990.
15. Dokumente der SED. – Berlin (Ost), 1960. – Bd. 6.
16. Wollweber E. Aus Erinnerungen. Ein Porträt Walter Ulbrichts // Berichte zur Geschichte. – 1990. – №3.
17. Harich W. Keine Schwierigkeiten mit der Wahrheit. Zur nationalkommunistischen Opposition 1956 in der DDR. – Berlin, 1993.
18. Hertwig M. Der Umgang des Staates mit oppositionellem und widerständigem Verhalten. Die Opposition von Intellektuellen in der SED/DDR in den fünfziger Jahren (insbesondere 1953, 1956/ 57), ihre Unterdrückung und Ausschaltung // Materialien der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und

Folgen der SED-Diktatur in Deutschland» (12. Wahlperiode des Deutschen Bundestages). Bd. 7/1. – Bonn, 1994.

19. Bloch E. Freiheit, ihre Schichtung und ihr Verhältnis zur Wahrheit // Das Problem der Freiheit im Lichte des wissenschaftlichen Sozialismus: Protokoll der Konferenz der Sektion Philosophie der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin (Jst), 1956.

20. Der deutsche Kommunismus. Dokumente / hg. von H. Weber. – Köln ; Berlin, 1963.

21. Janka W. Schwierigkeiten mit der Wahrheit. – Berlin, 1990.

22. Engelmann R. Der Ausbau des Überwachungsstaates / R. Engelmann, S. Schumann // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 1995. – №43.

23. Хавкин Б.Л. Берлинское жаркое лето 1953 года // Новая и новейшая история. – 2004. – №2.

24. Flocken J.V. Ernst Wollweber. Saboteur, Minister, Unperson / J.V. Flocken, M.F. Scholz – Berlin, 1994.

25. DDR. Dokumente zur Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik 1945–1985 / hg. von H. Weber. 3. Aufl. – München, 1987.

26. Jänicke M. Der Dritte Weg. Die antistalinistische Opposition gegen Ulbricht seit 1953. – Köln, 1964.